

**ДВЕРЬ
ОТКРЫТА**

ВИТАЛИЙ ГИЗЗАТУЛЛИН

Виталий Гиззатуллин

Дверь открыта

«Издательские решения»

Гиззатуллин В.

Дверь открыта / В. Гиззатуллин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834822-8

Москва никогда не была такой беспомощной — она обнесена высоким бетонным забором, а люди, живущие в городе, исчезают бесследно — один за другим. По полупустым улицам бродит человек. Ему надо принять решение: или остаться в городе, или убежать из него. Но как это сделать, ради кого оставаться, если все близкие уже давно исчезли, и зачем убегать, если не знаешь, что ждёт тебя за границей?

ISBN 978-5-44-834822-8

© Гиззатуллин В.
© Издательские решения

Содержание

Дверь открыта	6
Блог «Завтрак».	8
Блог «Ночной супермаркет».	11
Блог «Oh, baby!».	12
Блог «Дождь». Автор: Спор	17
Блог «Весна-лето»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дверь открыта

Виталий Гиззатуллин

© Виталий Гиззатуллин, 2016

© Андрей Даниилович Юзюк, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-4822-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дверь открыта

Сначала раздался звук бьющейся посуды, затем негромкий вскрик официантки. Потом не спеша стали поворачиваться головы всех тех, кто сидел в ресторане. Ничего удивительного – каждый знает, что случилось, если бьётся посуда и кричит официантка. Это значит, что исчез человек. Для меня, однако, пропажа предстала в новом формате. Впервые в своей жизни мне удалось увидеть, как это происходит. Я ковырял вилкой стеклянную лапшу и стучал кончиком ножики по бокалу с вином, о чём-то думал и смотрел на смешного пожилого мужчину в очках. Тот чихнул и полез в карман за салфеткой. И в этот момент исчез. Просто, раз – и нет его. Моментально, без каких-то последствий и лишних телодвижений. Пропал вместе с салфеткой, чей кончик уже показался из кармана.

Люди продолжали поворачивать головы к месту происшествия. В их глазах не было страха или удивления. В их глазах уже давным-давно в таких ситуациях прослеживалась лишь легкая грусть.

И только девочка в красном свитере выскочила из-за стола и стала дёргать мамину юбку, после чего слишком громко сказала:

– Дядя пропал!

В ту ночь мы сидели на крыше. Ирина тогда жила на одной из арбатских улочек в старом доме на последнем этаже. Мы вытащили через окно несколько стульев, кресла и разобраный стол по частям, посуду, немного еды, три бутылки грузинского вина. Расставили всё на козырьке, а оттуда затащили прямо на покатуую крышу. Включили негромкую музыку, расселись – кто где, а потом долго болтали. В какой-то момент разговоры почти стихли, все стали понемногу успокаиваться – кончилось вино, почти вся еда, и включились где-то внизу на улице фонари. Мы попеременно закрывали на несколько секунд глаза, разваливались на своих стульях и креслах. Я уже почти заснул, укутавшись пледом.

– А где Кеч? – вдруг громко спросила Алёна

– Отправился за пиццей, – ответил я сквозь сон.

Кто-то уронил пустой бокал с вином, и тот покатился по крыше. Мы все, не сговариваясь, смотрели ему вслед.

– Мне кажется, он уже очень давно ушёл, – Алёна волновалась.

– Да, где же, наконец, наша пицца? Где его носит? – Ира встала со своего кресла в негодовании, подошла к краю крыши и посмотрела вниз.

– Ира, у тебя две проблемы: ты всегда грубая, и всегда голодная, – высказался кто-то из темноты.

– Я грубая, только когда голодная.

Ира вернулась на своё место, все снова замолчали, я закрыл глаза. Где-то вдали раздавалось несколько приглушённых вскриков, быстро проехала по соседней улице машина с включённой сиреной, после чего несколько минут не раздавалось ни единого звука. Этот город, конечно, никогда не спит, но иногда всё-таки замирает. Так и мы замерли, думая каждый о чём-то своём.

Мысли плавно сменяли друг друга. Крыша, ночной, чуть прохладный ветер, бокал вина, всё ещё катающийся по крыше, это старое облезлое кресло... Вспомнил я, как мы с Кечем вместе когда-то снимали двухкомнатную квартиру в центре Москвы. Однажды я сильно заболел – так, что даже не мог встать с постели, а Кеч экстренно съехал, оставив меня наедине со злой арендодательницей и болезнью. Он вывез мебель и вещи, оставив после себя много мусора. Тогда я почему-то не посчитал это предательством, сейчас же вдруг понял, что с его стороны это было совсем некрасиво.

Я открыл глаза. Ребята собрались у стола, доедая последние кусочки нарезанных фруктов, всё так же молча.

– А кто-нибудь звонил Кечу? – спросил я.

– Да, уже раз двадцать. Недоступен, – ответила Алёнка, – думаю, надо что-то делать: его уже часа два как нет.

Ирина ухмыльнулась и показала на пустое кресло, где раньше сидел Кеч. Там лежала обёртка от шоколадки:

– Может, он снова неожиданно съехал? Вон и мусор опять оставил. Всё повторяется.

Блог «Завтрак».

Автор: неизвестен

Я понял, наконец, зачем нужны девушки.

Меня озаарило, когда я сегодня медленно сползал с простыней на пол, держа в одной руке орущий iPhone, а другой нащупывая пульт от телевизора (телевизор зачем-то включился, хотя я его не просил). Эту убийственную какофонию с большим удовольствием поддерживали попугаи, выяснявшие отношения на кухне.

Так вот, мне нужна утренняя спокойная девушка, которая и телевизор выключит, и будильник на айфоне заткнет и попугаям скажет: тищица, чего разорались, Виталик спит.

Но это, конечно, не главное. Она должна просто лежать рядом с утра. Желательно только в пижаме и под одеялом, желательно каждый раз в разных пижамах, ну и вообще идеально, если каждый раз в пижамах разного цвета. Было бы ещё лучше, если бы она следовала моему примеру и клала мятную жвачку себе под щеку, засыпая, чтобы проснуться со слегка свежим дыханием.

Утром я бы её обнял, поцеловал, повалял бы на белых простынях и окончательно запутавшись в одеяле, уверенно заключил: нам пора вставать. Я бы пошёл в душ, а она включила утренний телевизор, чтобы потом, выйдя мокрый с полотенцем, я бы услышал, как какой-нибудь ведущий рассказывает о новых катастрофах в Европе.

Мы бы пили потом растворимый кофе из больших и не предназначенных для этого кружек. На столе на блюде лежало бы размякшее сливочное масло, несколько кусков сыра «Российский» и белые пшеничные булочки, можно с кунжутом.

Я нажал на кнопку «Save» и в седьмой раз перечитал написанное. Заменял слово «жвачку» на «пластинку» и совсем убрал первую часть предложения про «утренний телевизор». Потом я ещё раз открыл письмо от Евы и прочитал требования вслух:

- не более 2000 знаков
- вести разговор от имени мужчины, но четко обозначить присутствие женщины
- намекнуть на то, что в других регионах страны или мира тоже существуют проблемы
- никаким образом не намекать на то, что проблемы есть в Москве.

Я решил, что текст готов и отправил документ на печать. Одновременно перегнулся через спинку кресла и дотянулся до флешки. Оказывается, не использовал я её с 29 апреля 2011 года. На ней до сих пор «лежали» видеоклипы Ферри Корстена и презентация для прессы, посвящённая его концертному туру по России. Я, конечно, помнил и ту пресс-конференцию, и Ферри Корстена, который умудрился опоздать на 3 с половиной часа, и эту флешку – её подарили всем журналистам, кстати, вместе с бутылкой текилы. Бутылка, теперь уже пустая, до сих пор стоит в моем шкафу. Кеч тогда сказал: пусть стоит, она красивая. Поэтому бутылка стоит уже пять лет и покрылась пылью, а Кеч пропал через два месяца, впрочем как и все, кто в ту ночь гостил у Ирины на крыше.

– Извините, что вам пришлось потратить время, но нам действительно было нужно, чтобы вы приехали, – Ева оказалась женщиной лет сорока, стройной, но не миниатюрной. Она поднималась по лестнице впереди меня, слегка обернувшись. Смотря куда-то поверх моей головы, цокала каблуками и продолжала говорить:

– Мы ужесточаем меры по защите информации регулярно. Не потому, что нам так хочется, а потому что ситуация усложняется с каждым днем. Нам приходится вести борьбу.

– Наверное, трудно вести борьбу, если не знаешь, против кого.

Ева остановилась на площадке перед дверью, порылась в карманах, достала пропуск и в первый раз мельком посмотрела мне в глаза:

– Вы правы. В этом – вся проблема.

На ресепшн никого не было. Мы двинулись по длинному коридору – по обеим сторонам находились офисы. Ева шла быстро, при этом дергая плечами – у меня возникло ощущение, что она чего-то боится. Когда же мы добрались до её кабинета, закрыли за собой дверь, напряжение, как будто бы, спало.

Она села за стол, рукой махнула на меня – сядьте уже. Еще минуту она открывала ящики, что-то в них искала, перебирала бумаги, переставляла канцтовары на столе. Все эти действия явно были бессмысленны – я подумал, что так она успокаивается. Наконец, она выпрямилась, села поудобнее в кресло.

– Давайте текст, – она вытянула руку.

Прочитала она достаточно быстро, особо не вникая.

– Да. Вы знаете, все хорошо. Это то, что нужно. Но вопрос не в том, хорош текст или плох. Вопрос в том, сможете ли вы писать их в разном... эммм. Ракурсе? Ну вы понимаете меня.

– У меня есть подобный опыт. Вы, знаете..

Она махнула рукой:

– Я читала ваше резюме, да. Но вы себе не представляете масштабы. Это не ваши семь псевдожурналистов, за которыми стоит один редактор. Это тысячи людей. Интеллигенты, тусовщики, клабберы, ботаники, обыватели, фантазёры, спамеры, дебилы, в конце концов. Вы знаете, кто такие дебилы?

– Я примерно себе представляю...

– Это те, кто всегда стоит с левой стороны на эскалаторе в метро, не пропуская целые очереди людей вперёд, это те, кто в комментариях к любому видео на Ютубе, что бы на нём не было, пишут одно и то же: «я бы её трахнул».

Последнее слово она произнесла как-то особенно громко. Я же, мне кажется, покраснел.

– Мне важно, чтобы вы это уяснили. Давайте так. Месяц – испытательный срок. Если за это время вы докажете мне, что способны быть тысячью людьми, дебилами в том числе, и, к тому же, не пропадёте, берём на работу.

Об этой вакансии мне рассказала девушка Аня. После спектакля, мы шли с ней по железной дороге на Грузинском валу. Точнее, она шла по шпалам, я придерживал ее за руку. Шли молча, было темно, по встречной дороге с Савеловского вокзала ехал красный Аэроэкспресс. В тот момент, когда он, гремя, поравнялся с нами, Аня крикнула мне:

– А что бы ты сделал, если бы вот прямо сейчас, в этот момент, я бы пропала?

Аня сделала серьёзное лицо и смотрела на меня, ожидая ответ. Я же нахмурился: этот вопрос мне за последние два года задали, наверное, уже человек сто.

– Да не знаю я. Домой бы пошёл. Чего ещё делать то?

Потом мы сидели на лавочке, пили пиво из банок и смотрели на железную дорогу. Ещё иногда – на небо. Сегодня оно отдавало синевой с фиолетовыми прожилками. Звёзд же снова не было. Тогда то Аня и рассказала, зачем позвала меня в театр. В компанию, где она раньше работала секретарём, требуется журналист.

– Или Блоггер. Даже не знаю, как это называется. А, вообще, знал бы ты, сколько мне лекций прочитали перед тем, как я сегодня встретила с тобой. Конспирация, как на шпионском задании.

Я встал с лавки:

– Ты шутишь? Кому-то в Москве потребовался журналист?

Аня удивилась:

– Ну да. Им нужен. Садись, слушай, чего ты вскочил? Всё на самом деле очень просто. Не знаю, зачем все так к этому относятся...

Мы шли по ночной Москве – она и раньше всегда была безлюдной, но в последнее время, казалась, к тому же, пугающей. Аня мне рассказывала о друзьях, которые пропали за последнее время. Потом она громко возмущалась, негодовала и даже билась в истерике. Тогда мы долго стояли под деревом, шёл дождь, я прижимал её к фонарному столбу, пытался что-то говорить, но она ничего не слушала, только рыдала, вцепившись руками в мою куртку. Успокоилась лишь тогда, когда нас окатил водой из лужи проезжающий автомобиль. Его фары осветили темноту, и я увидел заплаканное лицо Ани. Машина скрылась за эстакадой, и вокруг снова стало темно.

Блог «Ночной супермаркет».

Автор: неизвестен

Обожаю ночные супермаркеты. Даже несмотря на то, что ночью в них перестали продавать крепкий алкоголь.

Обычно туда я прихожу, когда закончены все гулянки-пьянки, прошу таксиста проехать чуть дальше назначенного места и остановиться у «Перекрестка».

Вчера я сделал так снова. И вот, в четыре часа утра качу тележку по безлюдному залу, попутно собирая продукты с полок. Тихо. Спокойно. Свет почему-то приглушен. Обходя бесчисленные стеллажи, я чувствую как растворяюсь в чём-то, а вместе со мной – чипсы, консервы и замороженные пельмени.

Именно в ночном супермаркете, как бы это глупо ни звучало, я чувствую себя так хорошо и свободно, как нигде и никогда.

Почему? Никогда не мог понять. А вот вчера, схватив очередной хрустящий пакет с замороженными овощами, вдруг вспомнил, что года четыре назад в это же время, но за тысячу километров отсюда, также беззаботно ходил по магазину вместе со своей любовницей. Любовницы нет уже давным-давно, но то невероятное чувство осталось. Вернулась та детская радость от непринуждённой и бесцельной ходьбы по застывшему супермаркету, от улыбок красивой девушки и предчувствия невероятного утра, которое мы обязательно проведём вместе. Так вот, оказывается, почему меня тянет ночью в супермаркеты.

– Меня пугает твой романтизм, Виталик, – Аня положила свой подбородок мне на плечо. Она незаметно подкралась ко мне сзади, пока я писал свой первый в жизни Блог.

– Ты что не спишь? Семь утра... Ты прочитала? Нормально?

– Неплохо, но это не то, что нужно. Для тестового задания не сойдётся. Не должно быть никакого одиночества в текстах. А у тебя – пустой супермаркет... Люди, толпы людей, эмоции! Если уж ты сегодня пребываешь в таком настроении, то напиши про любовь... Но так, чтоб она была грозная и экспрессивная.

Мы валялись на постели, пока не прозвонил в третий раз будильник. Я гладил её волосы, а она тихо-тихо подпевала – за стеной кто-то включил Джеймса Бланта.

– У тебя все ещё остались соседи? – удивленно спросила Аня и улыбнулась.

Блог «Oh, baby!».

Автор: неизвестен

Мне дико приятно, когда утром нечаянно нащупываю твой почти плоский горячий живот. Настолько, что не выдерживаю, целую тебя в мочку уха и прижимаю к себе, ты же томно мычишь сквозь сон в ответ.

Мне очень нравится, когда ты присылаешь посреди дня бессмысленную Смс с пожеланием доброго утра, хорошего дня или рассказом о том, как ты поругалась сегодня с кем-то в метро.

Я таю от умиления, когда ты на улице дотрагиваешься своей рукой до моей и пару секунд мы идём, сцепившись мизинцами, или когда ты кладёшь свою голову мне на плечо в самый скучный момент фильма, идущего в кинотеатре.

Я взвизгиваю от восторга и цепляюсь за люстру в два счета вытащенными из шкафа джинсами, когда ты неожиданно звонишь и зовёшь меня на какую-нибудь очередную гулянку.

Мне хочется включить на всю громкость Крейга Дэвида (ужас какой: Крейга Дэвида!), упасть на диван, раскинув руки и подпевая не в такт, когда ты говоришь в конце телефонного разговора: «целую» или, допустим, – «скучаю».

Меня плющит от нежности, когда ты падаешь ко мне на кровать, после секса, душа, геля для душа и пары глотков совместно недопитого вина. Потом ты болтаешь без умолку, гудит мусоровозка под окнами, ну и опять: твой живот.

Это все, конечно, очень клёво, можно слюнявить по ночам от радости подушку и весь день давить меланхоличную улыбку... Но только до того момента, пока не пройдёт романтический цунгванг и включатся Мозги. И вот уж после этого понимаешь, что был, похоже, идиотом.

И, что самое обидное: ведь, казалось бы, на меня это совершенно непохоже.

Мне толпы людей в Москве особо никогда не докучали. На самом деле именно это постоянное движение, широкие улицы, шум машин, говорящих людей, пусть даже не всегда приглядного вида – всё это я воспринимал как сгусток зачем —то мне нужной энергии, в который хотелось окунуться с головой. Может быть, мне так только казалось, но абсолютный факт – всё это вызывало у меня определённые эмоции, и я был уверен в том, что эта суматоха и шум, на самом деле, весьма упорядоченный процесс, скурпулезно продуманный и состоящий из множества по порядку выстроенных эмоций, характеров и движений.

Это так странно, ведь я совсем не люблю людей, однако меня к ним всё равно тянет, причем с какой-то ужасно притягательной силой.

Сейчас мне сложно не встречать на Тверской ярко и модно одетых людей, ежеминутно от них уворачиваясь – их сейчас просто нет. Мне сложно спускаться в метро, зная, что все

эскалаторы будут свободны, что на перроне вряд ли увидишь «фриков» и что зайдя в вагон, ты обязательно сядешь – стоять в пустом вагоне невозможно.

Знаю, вам это может показаться странным, но разве вы пробовали жить в полуторамиллионной Москве?

На прошлой неделе я переехал на Лаврушинский переулок. Та его часть, которая находится в отдалении от Третьяковки, в общем-то, всегда была не очень оживлённая, потому что перемены в этом укромном уголке города почти незаметны. Здесь всё также по утрам звонят колокола, слышится всё такой же легкий запах тины, который у меня всегда ассоциировался со свежестью и летом. Вот только стоимость аренды квартир – на порядок ниже. Собственно, это единственный плюс, который я смог придумать за всё время, пока творится этот странный процесс.

Газеты пишут, что Москва вымирает, но, по-моему, это совсем не так. Москва, как мне кажется, тихо посмеивается.

Почему она делает это, почему внезапно исчезают люди – вряд ли хоть один человек в курсе. Лично я не вижу никакой логики. Я бы понял, зачем всё это нужно, если бы пропадали только москвичи – я бы, конечно, решил, что это им в наказание за излишнее самодовольство. Я бы понял, если бы пропадали только приезжие – это выглядело бы как давно назревшее очищение города, причём абсолютно естественным образом. Я бы понял, если бы пропадали только проститутки, только чиновники или, к примеру, старики. О, я бы понял и был бы очень рад, если бы пропадали только риэлторы! Но нет, пропадают абсолютно разные люди: от пожилых библиотечарей до молодых жен олигархов.

Я бы понял, если бы сам факт их исчезновения зависел от стиля жизни, но пропадают и монашки, и сутенеры, и даже ведущие программы новостей по телевизору. Не зависит этот грандиозный процесс, как мне кажется, и от настроения: так Кеч пропал по дороге в пиццерию, а моя сотрудница в день свадьбы – прямо в момент, когда та задернула ширму, чтобы поправить свадебное платье.

Тот первый день я помню очень хорошо. За неделю до этого я уволился и переехал за город, в 7 километрах от Москвы в деревню Грибки. Там я снял небольшую квартирку в коттеджном поселке, чтобы с утра и весь день пить кофе, валяться в постели с ноутбуком и писать книгу. По вечерам я выходил на улицу и гулял, иногда добирался до соседнего Долгопрудного, садился на электричку и приезжал в Москву. В тот вечер Ирина позвала нас посидеть на крыше её дома.

Пропадать люди начали ночью. Говорят, что самым первым пропал какой-то дизайнер ровно в полночь, чуть позже стали исчезать представители других профессий и даже неработающие, пропал Кеч, потом во время ночного шатания мы не досчитались Андрея, Игорь ушёл в туалет в пиццерию, и больше его никто не видел. С Ириной и Мишей мы добрались ночью, почему-то пьяные, до их квартирки на Арбате, а уже утром я увидел пустую смятую постель. Ирина пропала через месяц. За это время мы с ней ни разу не встречались – лишь один раз я позвонил, чтобы поздравить её с днём рождения. Она сухо поблагодарила и поспешила положить трубку. Мне тогда почему-то показалась, что она знает, что скоро исчезнет.

За этот месяц я понял, что всё вокруг меняется и стал привыкать к избыточному одиночеству. А ещё я внезапно разлюбил Москву, и снова перестала писаться книга. Просыпаясь утром, шёл на кухню, чтобы приготовить себе кофе, включал телевизор и так мог просидеть на кухне до обеда. Ноутбук оставался выключенным целый день. Я обходил его стороной, надевал брюки и выбирался из дома, чтобы уехать в город.

Ева сегодня была какая-то уж чересчур приветливая. Она встретила меня с улыбкой, спросила, как я доехал. Я ответил, что ехать надобности и не было, я живу в 20 минутах ходьбы от офиса, после чего моя новая начальница слегка задумалась и сказала: «ну и хорошо, что прекрасно».

Потом она проводила меня в офис журналистов – это большое светлое помещение с несколькими столами, разделёнными пластиковыми перегородками. Кроме меня, в кабинете никого не было. Собственно, меня взяли на работу, и я буду писать Блоги от имени пропавших авторов. Город усердно пытается доказать всему остальному миру, что людей в Москве всё ещё достаточно. Усердие перешло все границы – теперь кто-то посчитал, что необходимо заняться пропагандой в сети Интернет, оживив пропавших московских блогеров.

– Виталий, вы пока будете один. Но уже на неделе обязательно обзаведётесь соседями. Располагайтесь.

На столе я обнаружил несколько папок разных цветов – это были дела на пропавших без вести блогеров. Папки лежали одна на другой на краю стола, и первые две покрылись пылью. Думаю, блоггеры бы вспыхнули от негодования, если бы в своё время не пропали и сейчас увидели эту картину. Я начну перебирать папки, перелистывать страницы, копаться в мыслях этих людей и у меня возникнет ощущение, что им будет это крайне неприятно.

Первая папка – с красной обложкой – это дело некой Марго. Так и написано: «Никнейм: Марго». Далее следует название сайта, на котором Марго вела свои блоги: livejournal.ru. Потом мелким шрифтом статистика автора. Пробегаю глазами: 120 блогов, 5218 комментариев, полтора года на сайте. Небольшая аннотация гласит: «Марго – автор, нацеленный исключительно на женскую аудиторию...». Перелистываю страницу и вижу фотографию автора: на меня смотрит пристально и чуточку злобно женщина средних лет с прямоугольным лицом. Её глаза спрятаны за стеклами очков, а шея за большим вязаным шарфом. Смотрится Марго чрезвычайно комично.

Следующая папка принадлежит человеку с ником Stayer – это геймер, который принялся переносить сценарии видеоигр в реальность. Я хотел перевернуть сразу первую страницу, но вдруг прочитал мимоходом словосочетание «возможно, убил». В этот момент, правда, палец соскользнул и страница всё же перевернулась. Передо мной оказалась фотография Стайера, и я невольно стал ее разглядывать.

«Он не похож на маньяка. Впрочем, даже на геймера не похож. Скорее, на продавца в отделе хозяйственных товаров», – думал я и рассматривал проплешины на голове блоггера, потом переводил взгляд на его фланелевую рубашку, наполовину заправленную, наполовину выпущенную наружу. Она была застёгнута неправильно: нижней пуговице не досталось петли. Ещё он был небрит. Точнее, отвратительно побрит.

Я смотрел на этого небрежного парня и думал о том, что, скорее всего, этот человек мог убить лишь какое-нибудь насекомое. И то лишь возможно.

Я перевернул страницу обратно и прочитал предложение целиком: «В двух из своих блогов Стайер подробно описывал уничтожение отрицательных героев, которое он проводил в реальной жизни. Никакой информацией о людях, которых он, возможно, убил, нет».

Сегодня я должен ознакомиться со всеми делами – пролистать таким образом все 23 разноцветных папки, а потом выбрать одну, открыть её, ознакомиться ещё раз с содержанием и написать блог от лица одного из без вести пропавших.

Я закрыл глаза и протянул руку, схватил какую-то папку. Открыл глаза – зелёная. Открыл папку – Агнета.

Забавно. Я умудрился выбрать из этого списка чрезвычайно странных личностей самую странную. Агнета – женщина шестидесяти трех лет. Она танцует. И пишет об этом на сайте о танцах dance.ru.

Собственно, Агнета очень гордится тем фактом, что в каком-то году этот сайт назвал её лучшим танцевальным блогером и даже наградил статуэткой. Агнета тогда очень растерялась и не смогла связно рассказать публике о том, что она им благодарна, о том, что танцы – это часть её жизни, о том, что писательство – новая грань, без которой она жить уже не сможет.

После того, как Агенту пригласили на сцену и наградили статуэткой, она не могла прийти в себя несколько дней: пила ромашковый чай, не ходила на танцы и постоянно обзванивала оставшихся подруг. Потом она написала четыре блога с благодарностью – правда, никто не понял, кого она благодарила. Ну, а позже выяснилось, что Агнета сошла с ума.

Агнета решила, что она переросла и танцы, и писательство. Теперь ей хотелось чего-то недостижимого и великолепного. Такого же яркого, как статуэтка и такого же непонятного, как её чувства после того, как статуэтка на глазах тысячи людей попала ей в руки.

Агнета тогда написала: «Я хочу придумать новый танец. Мне надоело, что психологический космос идет нацеленно снизу вверх и сверху вниз. Мне очень хочется, чтобы он шел параллельно. Это должно произойти, ведь земная спица времени не дремлет».

Комментариев к блогу не было. А через семь дней Агнета пропала.

Я снова долго смотрел на фотографию – мне казалось, что эта немолодая женщина с картинки сейчас оживет и начнет сама мне зачитывать блог. Но Агнета молчала, смотрела на меня отсутствующим взглядом и даже не думала улыбаться. Здесь была еще её аватарка – отрисованная танцевальная пара – по-моему, на фоне заката. Конечно же, предполагалось, что изящная девушка в черном, откинувшая верхнюю часть корпуса назад – это и есть Агнета. На ней было черное платье и красный шарф, один конец которого свисал практически до пола. Лицом девушка повернулась к закату, партнер же мужественно держал её одной рукой под лопаткой и смотрел на зрителя, надменно улыбаясь.

Безусловно, девушке была приятна его компания, и она хотела показать всем, кто на них смотрит, что грациозна, прилежна, красива и, конечно же, любима. Партнёр, уверенно ведущий её по паркету, без сомнения, подыгрывал. Реакцию зала же можно было лишь угадывать.

Я прочитал несколько блогов Агнеты, но так и не понял, что же та хотела сказать и, собственно, что она вообще за человек. Перед моими глазами лишь медленно передвигалась по паркету очаровательная пара, а по пятам следовал красный шарф.

Агнета в первом блоге рассказывала о том, насколько сильно ей понравился прошедший танцевальный турнир, она не скупилась в комплиментах, адресованных своим соперницам, постоянно благодарила организаторов за прекрасные условия проведения и не упускала ни единой подробности – даже кулеры в женской раздевалке описала в деталях. Но о себе она ничего не рассказывала.

Во втором блоге Агнета выражала недовольство – но недовольство это было настолько специализированным, что я так и не смог понять, чего она, всё же, хотела.

Третий её блог был посвящен «танцевальной астрологии». Там она рассказывала о благоприятных днях для проведения танцевальных конкурсов и даже делала свои расчёты того, кто же выиграет на том или ином турнире. В какой-то момент Агнета слишком подробно описала передвижения Марса и убывание Луны, после чего заверила всех, что на конкурс вообще ехать никому не стоит.

В этот момент я закрыл одновременно вкладку в браузере, кликнув кнопкой мышки, и зелёную папку. Нет, Агнета, не сегодня. Мне нужно основательно подготовиться и, может, даже выпить, перед тем как на несколько минут превратиться в тебя...

Блог «Дождь». Автор: Сноп

После того, как я весь вечер пялился на мужские гениталии (фотовыставка «Другие люди», которая сейчас идёт в Москве, большая похожа на галерею в стиле садо-мазо), вспомнил, что все культурные мероприятия, которые я посещал в последнее время, были какие-то неадекватные. Когда сказал об этом своей культурной подруге, та ответила, что я Сноб и позвала провести вместе с ней субботний вечер.

Сначала всё выглядело круто: полузакрытый кинопоказ под открытым небом, в парке, под пледами, в рамках DesignAct, да ещё и организатором был журнал ТаймАут. Первые сомнения появились, когда я услышал название фильма, который мы должны были сегодня смотреть – «Бабло», а потом вышел режиссёр с речью. Цитирую полностью, без изменений и редакторских правок:

– эээ... хммр... ну чо... смарите фильм. Чо ещё сказать?

Собственно, этот быдлофильм оказался соответствующим продолжением речи режиссёра. Спустя полчаса подруга сказала мне «плохой пример», мы отбросили плед и вышли из «кинозала», не забыв плюнуть в сторону режиссёра.

Подруга повела меня в рядом стоящий ЦДХ на выставку. Тоже что-то дико модное. Но нас не пустил охранник. У него было 2 довода: мы были мокрыми и мы опаздали. Вот вы когда-нибудь опаздывали на выставку – это, вообще, возможно?

После этого подруга поменяла тактику и решила заменить традиционное искусство современным. Мы поехали в Красный октябрь на «спейс перформанс». Спейс перформанс представлял из себя капающий поток посреди танцпола (блин, выйдите на улицу – там такого спейс-дождя – смотреть-ненасмотреться), за вертушками стояло какое-то существо, а вокруг ходили люди с серьёзными минами – все те, кого каждый понедельник можно наблюдать в фотоотчетах под заголовком мегасуперперфоманс @ название клуба.

В результате ночь мы завершили... в KFC.

А потом у меня по дороге домой сломался зонт, он вывернулся и стремился улететь, гонимый ветром, а я бежал за ним по Тверской, вцепившись за ручку, и матюгался.

– По-моему, у меня перформанс получился лучше.

Да, я не смог стать Агнетой, да вообще, не смог стать хоть кем-то. Из 23 без вести пропавших людей, я выбрал того, кто больше всего был на меня похож. 25-летний автор Сноп был снобом, немного самодовольным и, безусловно, графоманом. Всем этим был и я. Но было ещё что-то, что нас объединяло. И не просто объединяло, а делало похожими друг на друга. Это, конечно же, одиночество.

К сожалению, у Снопа не было фотографии – собственно, вообще, никто не знал, кем этот Сноп был в жизни – не знал даже тот умный и остроумный дядька, что писал аннотации к делам всех Блоггеров. А мне, конечно же, хотелось бы взглянуть на этого всем недоволь-

ным человека, который смеется над обстоятельствами, окружающими его людьми и своим собственным, любимым, обожаемым, безрезультатно гонимым одиночеством.

Я выключил компьютер и отодвинул на край стола все папки, потом встал из-за стола и направился к выходу. Выключил свет, закрыл дверь и оказался в длинном коридоре, который, наверное, до сих пор пугает Еву. Собственно, я могу её понять. Коридор достаточно узкий, а двери офисов, которые расположены по обеим его сторонам, как кажется, давно не открывались. Пропасть тут, во время невинного перехода между входной дверью и офисом – очень просто и чрезвычайно обидно.

Ева стояла за стойкой ресепшн и, наклонившись, что-то печатала на ноутбуке, левая рука её, правда, тянулась к телефонной трубке, которая в свою очередь тихо пищала.

Я взял трубку и положил её в руку Евы. Она несколько раз сказала отрешённо «Алло» и отдала мне трубку обратно. Потом она закрыла ноутбук и повернулась ко мне.

- Как тебе первый день?
- Довольно странно. Я не думал, что все эти блогеры – психи.

Ева ухмыльнулась, и выйдя из-за стойки, направилась по коридору к своему кабинету. На полпути она подняла руку вверх и, по-моему, помахала мне:

- Как же тут не станешь психом? В этом то городе!

Я решил идти домой пешком, ведь уже давно умышленно не осуществлял таких далёких пеших прогулок днём. Ночью – пожалуйста, сколько угодно. Но днём – нет, ведь при дневном свете отчетливо ощущается отсутствие людей.

Сегодня – солнечно, но совсем даже не жарко. Я представил себе свой путь – по Красной пресни до Зоопарка, потом перейти дорогу и ещё немного пройти по Баррикадной до Садового кольца. Там немного уйти влево и спуститься в подземный переход, выйти из него и вновь пойти налево – там Малая Никитская. На Малой Никитской – самая комфортная температура. Зимой – безветренно, летом – слегка прохладно. Малая всегда незаметно переходит в Большую Никитскую, от которой уже недалеко до Моховой. Потом я, скорее всего, пойду через Александровский сад к мосту. На мосту я буду постоянно останавливаться и вертеть головой. Потом, наконец, спущусь с него и пойду через Болотную площадь. Дальше через Лужков мост перейду на другую сторону Москва-реки – напрямиком к пешеходному Лаврушинскому. И вот я дома.

Моё самое, прежде, ненавистное место – территория рядом с Зоопарком. Красная пресня в том месте превращается в зловонную узкую улочку, которую заполняют бесчисленное количество детей, их родителей, всегда медленнодвигающихся туристов и аниматоры в ростовых куклах. Ещё здесь располагалась серия уличных туалетных кабинок, которые и делали улицу зловонной.

Сейчас ничего такого здесь нет – даже туалетов. Собственно, нет даже Зоопарка. Все животные вывезены были ещё полгода назад – и, думаю, это были единственные живые существа, которым в последнее время удалось вырваться из этого города.

Зоопарк не переделывали и не сносили – всё осталось как прежде. Только вход бесплатный, и очень много мусора. Зоопарк потерял приставку «Зоо» что, в принципе, очень даже логично. Но гулять по этому парку невозможно – он совсем не вяжется с традиционными местами для отдыха. Каждая частичка этого места кричит о том, что происходит что-то из ряда вон фантастическое и пугающее. Потому то наверное здесь гуляют только люди, склонные к депрессии. Они пересекают газон и сидят на лавочках, много ходят, не обращая внимание на проделанные давным-давно тропинки. Они ходят молча, что-то жуют и вздыхают. Не знаю, что они тут ищут – думаю, что излечиться от депрессии в таком депрессивном месте просто невозможно.

Баррикадная улица хоть и узкая, но довольно атмосферная. Здесь тоже раньше всегда было много людей и частенько можно было встретить очень колоритных сотрудников посольств. Но я пересекаю Садовое кольцо, о чём-то задумавшись, и не замечаю, как дохожу по тихой Никитской до самого центра столицы – Красной площади.

На саму площадь я не иду – она не по пути, но спускаюсь в левое крыло Манежной площади. Тут все ещё работает Макдоналдс.

Я не особо жалую фастфуд, но считаю, что невозможно, при случае, не купить какой-нибудь бургер, рожок мороженого и колу и не сесть на газон в Александровском саду. Так и делаю. Стелю под себя несколько листов бумаги и раскладываю вокруг покупки.

Потом, как всегда, я оглядываюсь вокруг – не знаю почему, но привычка оглядываться, меня не покидает с тех пор, как всё это началось. Быстро пройдя взглядом по доступной части сада, я вычлению из всех, кто тут находится, самых интересных. Вот впереди, у вечного огня, стоит пара – по-моему, молодожёны. Они прижимаются друг к другу с таким трепетом и страхом перед окружающим пространством, с каким невозможно прижиматься спустя определённое время проживания вместе. Слева от меня смеется компания. Я им сейчас очень завидую – это сколько же нужно иметь друзей, чтобы даже после такого масштабного исхода, оставить среди своего круга знакомых столько живых людей? Справа же от меня сидит на лавочке дед с длиннющей седой бородой и кидает скорлупой грецких орехов в сидящих рядом голубей.

Вроде бы всё – больше интересных нет. Хотя, ко мне вдруг откуда то сзади подходит молодой человек в жёлтых брюках:

– Вы курите? – спрашивает меня он

В эту же секунду я вздрагиваю и не могу найти ни одного подходящего, как мне кажется, ответа. Я вдруг вспоминаю время, когда на той же Баррикадной улице ко мне каждое утро подходили промоутеры какой-то сигаретной марки с этим же вопросом. Я и тогда не знал, что отвечать, а сейчас тем более.

Я помотал головой из стороны в сторону и начал жевать гамбургер.

– Очень жаль. Люди перестали курить.

Человек в желтых брюках сделал печальное лицо и зачем-то присел рядом. Я продолжил медленно жевать свою котлету и запивать её колой из трубочки.

– Ну это так странно. Почему вы не курите? Думаете, вредно? Есть фастфуд – это же тоже вредно. И может, ещё вреднее. Так почему ты не куришь?

Я почему-то на этот раз не удивился: ни странному вопросу, ни тому, что он неожиданно перешёл на «ты».

– Зачем мне это? Я не хочу... Зачем мне делать то, чего я не хочу? – я ещё раз откусил с важным видом от гамбургера и начал усиленно морщить лоб.

Человек в жёлтых брюках тоже замолчал и стал рассматривать свои пальцы.

– Ладно, я пойду. Не скучай и обязательно напиши, – сказал странный человек.

Я повернулся к нему через секунду, но рядом уже никого не было. Я привстал, снова обвёл взглядом сад – жёлтых брюк не было. Пара прижималась друг к другу все так же трепетно, дед перебирал орехи, ребята слева от меня достали из сумок бутылки пива. А жёлтых брюк как ни бывало.

Блог «Весна-лето»

Автор: Саша School

ВЧЕРА НА ЗАКРЫТИИ НЕДЕЛИ МОДЫ ВСЕ ПАДАЛИ. Сперва полоумная тётка, орущая в телефон, прямо во время показа Рождественской, выползла к подиуму, а на обратном пути споткнулась о ступень, вцепилась в мой локоть, но не удержалась и улетела напрямиком в объятия мужчины. Они уже вместе, прихватив чёрный занавес, сиганули с лестницы.

Самым-самым последним показывали коллекцию Bessarion. И вот тут-то модели оторвались по полной. Третья же вышедшая девушка упала так, что не могла подняться пару следующих минут. Ещё одна запуталась и никак не могла решить: нужно ли ей ещё один круг делать или нет. Долго кочевряжилась и в результате, видимо, плюнув на всё, упала на том месте, где стояла.

На заключительной проходке моделей, одна из них всё время не могла совладать с длинной юбкой и скользила по подиуму как на лыжах, при этом активно размахивала руками. В конце концов она всё-таки упала. Но за сценой. А мы увидели её упавшие на пол ноги, которые торчали из-за кулис.

Несмотря на казусы, всё было миленько. И даже Хакамада и Тимати в роли дизайнеров смотрелись не так дебилистически, как это можно было ожидать. Дикая ностальгия по путешествиям и Италии – на показе Франка Морелло, буйство этники – на показе Ситки Семш, е#нутая романтика – на показе Рождественской и, конечно, дикий интеллигентный экстаз на показе Бессариона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.